

Поппе В.

**Критика методологических
основ теорий права и
нравственности Профессора
Л. И. Петражицкого.
Введение в изучение права и
нравственности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В11

В11 **В. П.**
Критика методологических основ теорий права и нравственности Профессора
Л. И. Петражицкого. Введение в изучение права и нравственности / Поппе В. –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 80 с.

ISBN 978-5-519-79142-7

ISBN 978-5-519-79142-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Главною цѣлью книги проф. Петражицкаго является по его собственнымъ словамъ, „выясненіе подлежащихъ недостатковъ и ошибокъ традиціонной психологіи и установленіе такихъ общихъ психологическихъ положеній, съ помощью которыхъ можно достигнуть свѣта и прогресса въ области зависящихъ отъ психологіи теоретическихъ и практическихъ наукъ, въ частности теоріи и политики права (и нравственности)“. Въ виду, же необходимости, для построенія и обоснованія теоріи права и нравственности, „сверхъ соотвѣтственныхъ психологическихъ предпосылокъ, уясненія нѣкоторыхъ методологическихъ положеній, касающихся образованія общихъ теоретическихъ понятій“ проф. Петражицкій счелъ нужнымъ предпослать психологическимъ основамъ теорій права и нравственности—методологическія основы теорій права и нравственности, имѣющія впрочемъ—по его словамъ—„болѣе общее значеніе, выходящее за предѣлы науки о правѣ и распространяющееся и на другія науки, въ томъ числѣ, между прочимъ, на науки о нравственности и о другихъ соціально-психическихъ явленіяхъ“ (стр. 18).

Вотъ эта-то часть труда проф. Петражицкаго и послужитъ темою настоящей моей статьи.

I.

Исходя 1) изъ противопоставленія профессоромъ Петражицкимъ спекулятивно-метафизическому знанію знанія научнаго въ строгомъ и тѣсномъ смыслѣ, основаннаго на опытѣ, и 2) изъ указанія его, что критика обычныхъ средствъ и приѣмовъ разработки науки о правѣ и построеніе соотвѣтственной научной гносеологіи должны состоять изъ ученія о познаніи конкретныхъ правовыхъ явленій и изъ ученія о построеніи классовыхъ юридическихъ понятій и теорій—исходя изъ этихъ положеній, я былъ увѣренъ, что проф. Пет-

ражицкій считаетъ теорію познанія основою всякаго разслѣдованія по другимъ отраслямъ знанія и либо дастъ намъ полную переработку теоріи познанія, т. е. анализъ познавательной способности нашей психики и способовъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи для познанія правовыхъ явленій, либо примкнетъ къ какой-нибудь изъ философскихъ системъ и положитъ теорію познанія означенной философской системы въ основу своихъ построеній. Но когда я прочелъ трудъ проф. Петражицкаго до конца, я убѣдился, что авторъ не разрѣшаетъ ни единого гносеологическаго вопроса и что для него существуетъ только эмпирическое знаніе, а всякое другое, т. е. не только трансцендентное или спекулятивно-метафизическое, но и трансцендентальное или апріорное имъ отрицается и признается ненаучнымъ.

Вотъ, что говоритъ проф. Петражицкій по адресу послѣдняго, т. е. апріорнаго знанія: „вообще теперешніе передовые мыслители говорятъ обыкновенно не о „законѣ“, а о „постулатѣ“ причинной связи. Доказать эмпирически всеобщее значеніе причинной связи, говорятъ они, невозможно. Но безъ признанія всеобщаго значенія причинной связи невозможно научное изслѣдованіе и мышленіе. Всякое научное пониманіе и объясненіе сводится къ выясненію и установленію причинной связи. Поэтому, если мы желаемъ достигнуть научнаго пониманія явленій, мы должны исходить изъ наличности всеобщей причинной необходимости. Признаніе всеобщаго значенія причинной связи есть постулатъ (требуемое, необходимое условіе) всякаго научнаго мышленія.

Со времени Канта, который обосновывалъ и отстаивалъ разными иными средствами недоказуемыя положенія, какъ „постулаты практическаго разума“ и т. п., особенно же въ новѣйшее время „возвращенія къ Канту“ (т. н. неокантіанства) оперированіе „постулатами“, т. е.

возведение въ истины разныхъ положеній на томъ основаніи, что признаніе ихъ правильности требуется для удовлетворенія такой или иной практической потребности (напр., потребности „въ пониманіи природы“, „единствѣ міросозерцанія“ и т. п.) — представляетъ вообще весьма модное и считаемое передовымъ занятіе въ философіи и разныхъ другихъ наукахъ. Особенно популяренъ постулатный методъ въ новѣйшей литературѣ логики. Тѣмъ не менѣе этотъ „методъ“ слѣдуетъ признать ненаучнымъ съ элементарно-логической точки зрѣнія. Нелогично, нелѣпо обосновывать наличность чего-либо тѣмъ, что мы въ немъ нуждаемся, хотя для этой ф.рмы смѣшенія теоретической и практической точки зрѣнія и имѣется въ распоряженіи громкое слово „постулировать“ и авторитетный образецъ — философія Канта“. (183, 184).

Въ третьемъ примѣчаніи на стр. 184 своего труда проф. Петражицкій нѣсколько подробнѣе останавливается на разборѣ постулатнаго метода, несмотря на то что этотъ методъ, по его мнѣнію, не требуетъ даже критики. Только, въ виду современнаго увлеченія постулатнымъ методомъ и большой роли его въ новѣйшей литературѣ проф. Петражицкій считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить, что этотъ методъ, кромѣ годности его для оправданія противорѣчащихъ другъ другу положеній, страдаетъ еще разными другими недостатками. „Если условно признать, говоритъ авторъ, логически допустимымъ признаніе какого-либо положенія правильнымъ на томъ основаніи, что это необходимо для достиженія чего-либо другого, напр., для достиженія „единства міросозерцанія“, „для цѣлей научнаго мышленія“ и т. д., то для обоснованности всякаго постулатнаго ученія необходимо было бы еще требовать:

- 1) обоснованія того главнаго требованія, изъ-за котораго выставляется данный постулатъ;
- 2) доказательства, что удовлетвореніе этого главнаго

требованія необходимо предполагаетъ принятіе даннаго постулата, что иначе его удовлетвореніе невозможно.

Внимательная критика, по мнѣнію проф. Петражицкаго, показала бы, что и съ точки зрѣнія этихъ двухъ пунктовъ въ постулатныхъ ученіяхъ господствуетъ произволъ:

1) совершенно произвольно, напр., утвержденіе, что невозможно построеніе науки безъ признанія всеобщей причинной зависимости. Многія науки вообще состоятъ изъ положеній, не имѣющихъ вообще никакого отношенія къ причинной связи (ср., напр., математическія науки; разныя научныя утвержденія чисто фактискаго свойства, напр., историческія, географическія науки и т. п.; науки, излагающія правила обязательнаго поведенія, нормы права, нравственности);

2) для тѣхъ наукъ и научныхъ положеній, которыя дѣйствительно имѣютъ дѣло съ причинной связью и причиннымъ объясненіемъ, интересна спеціальная причинная зависимость, а не „всеобщая“, напр., для громаднаго большинства научныхъ причинныхъ ученій совершенно безразлично, свободна ли воля или нѣтъ;

3) наконецъ, отнюдь нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы задачамъ науки соотвѣтствовало принятіе причинной связи за обоснованную и наличную гдѣ бы то ни было тамъ, гдѣ таковая наличность не доказана. Напротивъ, природѣ и задачамъ науки соотвѣтствуютъ безпристрастное, осторожное и методическое изслѣдованіе того, что есть; признаніе за обоснованное и доказанное только того, что методически обосновано, а за сомнительное или вѣроятное того, что послѣ методическаго изслѣдованія оказывается лишь таковымъ, и за опровергнутое или отсутствующее того, что методически опровергнуто или оказалось отсутствующимъ; въ частности задачамъ и природѣ науки соотвѣтствовало бы признаніе невсеобщности причинной связи, свободы воли и т. п., если бы методическое изслѣдо-

ваніе фактовъ привело къ такому результату; точно также задачею науки является не объясненіе во что бы то ни стало, а только методически обоснованное объясненіе того, что поддается такому объясненію и добросовѣстное признаніе непонятности того, что ей не удастся методически обоснованно объяснить. Вообще задачею истинной науки является методическое изслѣдованіе и добросовѣстное признаніе истины. Для такой же науки, которая утверждаетъ то, что ей почему-либо угодно утверждать, есть болѣе подходящее названіе, чѣмъ „наука“, а именно, названіе, софистика“.

Чтобы разобратъся въ первомъ упрекѣ, дѣлаемому проф. Петражицкимъ критической философіи, т. е. въ смѣшеніи ею теоретической и практической точекъ зрѣнія, необходимо выяснитъ, что понимаетъ проф. Петражицкій подъ этими терминами.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что проф. Петражицкій подъ практической точкой зрѣнія разумѣетъ утилитарное направленіе науки, а подъ теоретической точкой зрѣнія — философское направленіе; ибо онъ характеризуетъ практическую точку зрѣнія возведеніемъ въ истины разныхъ положеній на томъ основаніи, что признаніе ихъ правильности требуется для удовлетворенія такой или иной практической потребности. Но если принять во вниманіе примѣры, къ помощи которыхъ проф. Петражицкій прибѣгаетъ для выясненія того, что надо понимать подъ терминомъ „практическая потребность“, то приходится признатъ, что онъ разумѣетъ подъ практической точкой зрѣнія не стремленіе къ осуществленію практическихъ потребностей, т. е. не утилитарное направленіе науки, а нѣчто совершенно иное. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать потребность въ пониманіи природы потребностью пракческою?

И да, и нѣтъ.

Если во мнѣ появится такая потребность въ цѣляхъ улучшенія нашей матеріальной (понимая этотъ тер-

минѣ не въ философскомъ смыслѣ) жизни, то такая точка зрѣнія будетъ практической или утилитарной; если же эта потребность возникаетъ во мнѣ въ цѣляхъ улучшенія моего міросозерцанія, то такая точка зрѣнія будетъ теоретической или философскою. Вотъ почему я совершенно не понимаю, какъ это проф. Петражицкій могъ привести въ качествѣ примѣра практической потребности стремленіе къ единству міросозерцанія... Въдѣ эта потребность является тѣмъ *fundamentum divisionis*, тѣмъ признакомъ, по присутствію или отсутствію котораго только и возможно раздѣленіе наукъ на практическія въ смыслѣ утилитарныхъ и теоретическія въ смыслѣ философскихъ.

Но что же, въ такомъ случаѣ, понимаетъ проф. Петражицкій подъ практической точкой зрѣнія?

Судя по его фразѣ: „нелогично, нелѣпо обосновывать наличность чего-либо тѣмъ, что мы въ немъ нуждаемся, хотя для этой формы смѣшенія теоретической и практической точки зрѣнія и имѣется въ распоряженіи громкое слово „постулять“ и авторитетный образецъ—философія Канта“, судя по этой фразѣ, приходится заключить, что проф. Петражицкій подъ практической точкою зрѣнія разумѣетъ возведеніе въ истину чего-либо, потому что мы въ этомъ „что-либо“ нуждаемся, а подъ теоретической точкою зрѣнія—методическое изслѣдованіе и добросовѣстное признаніе истины независимо отъ того, нуждаемся ли мы въ ней или нѣтъ; иными словами, подъ теоретической точкой зрѣнія проф. Петражицкій разумѣетъ разсматриваніе или изслѣдованіе дѣйствительности, какъ она есть, не говоря о томъ, какъ съ ней поступать; такова, напр., точка зрѣнія математики, физики, исторіи и проч. Но если такъ понимать теоретическую точку зрѣнія, то подъ практической точкой зрѣнія нельзя уже разумѣть утилитарную, а надо понимать разсмотрѣніе того, чему слѣдуетъ быть или какъ слѣдуетъ дѣйствовать,

такова точка зрѣнія этики, медицины и пр.; иначе получится у насъ ошибка въ дѣленіи, извѣстная въ элементарной логикѣ подъ названіемъ перекрестнаго дѣленія. Дѣло въ томъ, что если подъ теоретической точкой зрѣнія разумѣть изслѣдованіе дѣйствительности, какъ она есть, то мы можемъ разсматривать эту дѣйствительность, какъ она есть, въ цѣляхъ, улучшенія нашей матеріальной жизни, и тогда такое теоретическое разсмотрѣніе будетъ утилитарнымъ, а если мы будемъ разсматривать ее въ цѣляхъ улучшенія нашего міросозерцанія, то такое теоретическое разсмотрѣніе будетъ философскимъ. Если же подъ практической точкой зрѣнія разумѣть возведеніе чего-либо въ истину, потому что мы въ этомъ нуждаемся, безъ указанія цѣли, для достиженія которой мы въ этомъ нуждаемся, то такое опредѣленіе должно почитаться ровно ничего не опредѣляющимъ, ибо тогда всѣ безъ исключенія наши потребности должны быть признаны практическими; тогда незачѣмъ говорить о практическихъ потребностяхъ, ибо другихъ въ такомъ случаѣ и быть не можетъ и терминъ „практическая потребность“ долженъ быть признанъ тавтологіей вродѣ каменнаго камня и деревяннаго дерева.

Въ виду такой путаницы въ пониманіи проф. Петражицкимъ понятій теоретической и практической точекъ зрѣнія, приходится упрекъ въ смѣшеніи этихъ точекъ зрѣнія, дѣлаемый ихъ критицизму, признать неосновательнымъ.

Теперь посмотримъ, какъ обосновываетъ неокантианство апріорное знаніе? Обратимся для этой цѣли къ труду наиболѣе типичнаго и самаго выдающагося изъ неокантианцевъ въ Россіи, а именно къ лекціямъ по логикѣ проф. С.-Петербургскаго Университета Александра Ивановича Введенскаго¹⁾.

¹⁾ А. И. Введенскій: „Логика, какъ часть теоріи познанія“. 1909 г.

„Кромѣ данныхъ опыта, говоритъ этотъ ученый, самыми послѣдними основаніями всякихъ доказательствъ служатъ еще апріорныя общія синтетическія сужденія... Въ составъ математики и эмпирическихъ наукъ должна быть допущена большая или меньшая группа такихъ общихъ синтетическихъ сужденій, при прямой или косвенной помощи которыхъ можно доказать, индуктивно или дедуктивно, всѣ остальные общія синтетическія сужденія, входящія въ составъ этихъ наукъ, но которыя сами никакимъ путемъ не могутъ быть доказаны, ибо

во 1) всякія дедуктивныя или индуктивныя доказательства опираются въ концѣ концовъ, на эти же самыя сужденія;

во 2) какъ общія, они не могутъ быть оправданы путемъ констатированія данныхъ опыта, и

въ 3) какъ общія синтетическія, они не могутъ быть выведены изъ однихъ лишь аналитическихъ сужденій.

Чтобы избавиться отъ необходимости допускать такія сужденія въ составъ знанія, есть только одинъ выходъ—усумниться во всей математикѣ, во всѣхъ законахъ природы, т. е. во всемъ естествознаніи, во всѣхъ астрономическихъ предсказаніяхъ, во всей техникѣ и т. д. и ограничиться лишь простымъ констатированіемъ данныхъ опыта, т. е. чисто единичными сужденіями, говорящими: тогда-то и тамъ-то такой-то человекъ замѣтилъ то-то. Но если мы допускаемъ достовѣрность математики и естествознанія съ его индуктивными обобщеніями, то должны допустить и апріорныя общія синтетическія сужденія“.

Критическая гносеологія „принимаетъ, какъ фактъ, убѣжденіе, что существуютъ достовѣрная математика и достовѣрное естествознаніе (т. е. знаніе законовъ природы)... и показываетъ логическую необходимость при такомъ убѣжденіи допускать въ составъ того и другого знанія апріорныя общія синтетическія суж-

денія, какъ завѣдомо годныя, чтобы служить наряду съ данными опыта, послѣднимъ основаніемъ во всѣхъ ихъ доказательствахъ. Послѣ того она указываетъ тѣ условія, при которыхъ они будутъ завѣдомо годны для этой цѣли, и изъ этихъ условій выводитъ заключеніе о границахъ нашего знанія, именно, о невозможности метафизики, такъ что представляетъ на выборъ: либо отказаться отъ убѣжденія въ достовѣрности математики и естествознанія, либо согласиться, что метафизика въ видѣ знанія невозможна, а принуждена быть лишь вѣрой, хотя и неопровержимой, но недоказуемой, т. е. точнѣе говоря согласиться, что она по своей недоказуемости стоитъ даже и не въ такомъ положеніи, какъ математика и естествознаніе, которыя тоже недоказуемы вслѣдствіе недоказуемости апріорныхъ общихъ синтетическихъ сужденій, а въ еще худшемъ положеніи, такъ что если мы ихъ условливаемся называть науками и знаніемъ, то этихъ именъ уже нельзя примѣнять къ метафизикѣ, а надо называть ее иначе, а именно, вѣрой. Въ противномъ случаѣ мы будемъ! играть словами, разнородныя по своему существу вещи называть одинаковымъ именемъ, какъ если бы онѣ были однородными.

Условіемъ завѣдомой годности апріорныхъ общихъ синтетическихъ сужденій для знанія служить то, чтобы они высказывали собою неизбѣжныя формы сознанія. Дѣйствительно: при такомъ условіи они завѣдомо будутъ неизбѣжными формами и всего того, что создается нами, взятаго въ томъ видѣ, какъ оно сознается т. е. при изученіи всѣхъ данныхъ опыта. Напр. если причинная связь всего возникающаго съ чѣмъ нибудь другимъ, какъ со своей причиной, есть форма, неизбѣжная для всего нашего сознанія, то она завѣдомо будетъ и неизбѣжной формой всего того, что создается нами, какъ возникающее, если взять это возникновеніе въ томъ видѣ, какъ оно создается нами; и

на законъ причинности можно будетъ навѣрняка полагаться при изученіи всякихъ данныхъ въ опытѣ возникновеній. Другой примѣръ: если трехмѣрное пространство, подчиненное аксіомамъ Эвклидовой геометріи, составляетъ форму, неизбѣжную для нашего сознанія внѣшняго міра, то оно же завѣдомо будетъ и неизбѣжной формой всего того, что сознается нами, какъ внѣшняя вещь, если ее рассматривать въ томъ видѣ, какъ она сознается нами, и на эти аксіомы мы можемъ навѣрняка опираться при изученіи внѣшняго опыта. Слѣдовательно: кто допускаетъ знаніе, выходящее за предѣлы простого констатированія данныхъ опыта, т. е. математику и естествознаніе (знаніе законовъ природы), тотъ обязанъ допустить, что лежащія въ основѣ такого знанія апріорныя общія синтетическія сужденія высказываютъ неизбѣжныя для нашего сознанія формы.

Отсюда вытекаетъ такое слѣдствіе: на апріорныя общія синтетическія сужденія мы въ правѣ полагаться только въ примѣненіи къ имманентнымъ предметамъ, а не къ трансцендентнымъ, такъ что наше знаніе обо всемъ, что воспринимается или могло бы быть воспринято въ опытѣ, можетъ расти до безконечности (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда этому препятствуетъ недостатокъ данныхъ опыта); но всякая попытка строить метафизику, т. е. изучать трансцендентные предметы, должна сразу пов снуть на воздухѣ, какъ безправное примѣненіе апріорныхъ общихъ синтетическихъ сужденій для доказательства о томъ, что имъ не должно подчиняться“.

Въ приведенномъ отрывкѣ изъ логики проф. Введенскаго мы находимъ то, что требуетъ проф. Петражицкій въ своемъ примѣчаніи.

Здѣсь прежде всего обосновано то главное требованіе, изъ-за котораго признается необходимымъ допущеніе апріорныхъ общихъ синтетическихъ сужденій. Оно сводится къ двумъ основаніямъ:

- 1) къ ихъ недоказуемости и